

Юлия
Андреева

МЕРТВЫМ НЕ ПОНЯТЬ

Юлия Андреева

Мертвым не понять

Текст предоставлен автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=645805

Аннотация

Мертвым не понять – детектив?

Вот и убийства присутствуют, и сокровища антиквара, и злодей также имеется, но! Кроме этого... искрящаяся, метущаяся, тугая (подобно жгуту смерча) жажда любви, счастья. Где эмоции – опасный танец метели, хрустальных, острых осколков.

И... табачное облако (мистическая туманность) учителя – который ведет свою игру, раскладывая из людей заковыристые пасьянсы.

И совсем рядом изощренная жестокость новоявленного кукловода из «Зазеркалья».

Кто делает выбор? Ты выбираешь маску, маска тебя?

Содержание

1	5
2	14
3	17
4	23
5	27
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Юлия Андреева

Мертвым не понять

*– Госпожа, немного яда?
– Что вы, яда мне не надо.
– Ничего, по вкусу меда
Мы добавим вам в угодую.*

Я решила собраться с силами и описать произошедшие со мной и моими близкими события, так как если это не сделаю я – представляю, сколько отыщется «друзей» и любителей покопаться в чужих жизнях и душах, додумывая полные кровавой жути события. Или засахаривая мое и без того потрепанное имя до такой степени, что большинство нормальных людей потянет блевать. Писать придется быстро, так что на вранье попросту не останется сил.

Я молюсь, чтобы отпущенных мне дней хватило на изложение необходимых подробностей, описаний и снов, без которых невозможно достаточно глубоко вникнуть в суть дела. Да, помимо моей воли сны и видения сыграли в этой истории настолько значимую роль, что обойти их не представляется возможным.

Что еще?.. Глупо и поздно уже вверять себя в руки провидения, которое и без того властвует надо мной. Надеюсь только, что тот, в чьих руках в данный момент моя судьба... надеюсь, что он знает, что делать и как я его люблю. Во всяком случае, я не осуждаю его и никому уже не позволю! Хотя – интересно конечно, как это у меня получится?..

Но не буду более вилять, испытывая ваше терпение и тратя свое драгоценное время.

Итак – как же все начиналось?..

1

АДСКИЙ СУЖЕНЫЙ

Я умерла и тут же ощутила за своей спиной мягкий шорох бело-оперенных крыльев. Ангела я еще не видела, но точно знала, что такой звук могли издавать только белые перья.

– Тебе дано право попрощаться с кем-нибудь на твой выбор, – мелодично прозвучал во мне голос небесного посланника.

Любить я тогда никого не любила, но за неделю до собственной смерти познакомилась с продавцом из магазина «Логос», единственным, но грандиознейшим достоинством которого было то, что он читал мои первые книги! Господи! Наконец-то я нашла своего читателя! Аллилуйя!!!

Потом вечно алчущее чужих мыслей и чувств море поглотило меня свыше меры, так что я по сей день сияю на витринах и лотках алыми от крови своих героев глянцевыми парусами.

Но тогда – тогда я писала коротенькие ужастики, и потому полетела именно туда. Продавца не было, вместо него я увидела белый ватман, на котором неуверенным детским почерком были записаны все мои дела. Как же невероятно мало их оказалось! Я стояла, а краски блекли и исчезали.

– Вот видишь – прошло каких-нибудь три дня, а о тебе уже забыли.

Мы помолчали. В нагрудном кармане ангела, а одет он был в тройку из перьев, что-то противно затренькало. Нетерпеливым движением он вытащил белую глянцевую трубу, вокруг которой чистым светом горела радужная аура, и несколько раз сказал «да», кивая, отчего нимб ангела и его трубы соприкасались, создавая из преломляемых лучей странно-прекрасные лилии.

– ...С тобою хочет поговорить князь Дракула, – сообщил он, задвигая невидимую антенну и укладывая трубку между складок перьев на груди. Теперь они смотрелись как жабо.

– Князь?! Господи! Да кто такая я, и кто такой он?! – засмушалась я.

– Не говори так. Даже в том мире, где ты жила, нельзя было так говорить, не то, что здесь: ты сама по себе – величайшая ценность, и с твоей смертью мир понес невосполнимую утрату. Впрочем, как и со смертью любого человека.

В этот момент прозвучал гонг, пол магазина раскололся, и оттуда вылетел... Но я не видела его лица...

Клубы дыма, грохот и объятия, объятия, объятия... Я не видела его лица!..

– Диана! Любимая! Сколько я ждал тебя! Сколько перенес! Я люблю только тебя, и никого никогда не любил прежде! Дорогая!

Я прижалась к нему, вжалась, выросла...

«Господи – меня любят! Любят! Любят! Пусть даже в аду!» Я плакала, его горячие губы жгли мою кожу, испепеляя слезы. Кожа на шее зазудела от желания причаститься к древнему таинству, я рывком откинула назад мешавшие ему волосы.

– Нет! Любимая, я не могу сделать этого... Не сейчас. Ты слишком мало еще жила, в тебе столько силы! Такой силы! – Он сжал меня так, что все затрещало и пошло ходуном. – Ты должна жить, любимая. Для меня, для нас – жить!

Я не видела его лица, но догадывалась какое оно – лицо принца с портрета в моей комнате – почему его?..

– ...Живи, но знай, что когда тебе станет совсем неважно – в любой момент я подхвачу тебя на руки, и мы будем вместе.

Все исчезло, и я проснулась. Проснулась самой счастливой на свете женщиной – ведь, а теперь я это знала точнее некуда, в конце концов, меня ждет любовь – пусть даже ради нее мне придется попасть в ад!

Вот как бывает – ночью увидела судьбоносный сон, а наутро пошла к человеку, который изменил всю мою жизнь. Но не стану забегать вперед.

Я, как вы уже должно быть догадались, писательница. И, смею заверить, довольно известная. Но как?! Ни за что не догадаетесь, ну да я и не стану впредь играть в прятки... Всё. Шутки в сторону, карты на стол а маски, маски в огонь, потому что в той ситуации, в которой я из-за всех этих дел оказалась, мне уже не до мистификаций.

Итак, я женщина, и не просто баба, а подлинная красавица. Об этом, скоро десять лет как, пишут все гламурные дамские журналы, кричат бульварные газетенки, сообщает Интернет. Дай бог им еще столько же не менять этого мнения. У меня от природы светлые длинные волосы и голубые глаза, великолепная кожа и небольшой акцент, выработанный годами тренировок.

Я не стану называть своего имени – оно слишком известно, потому что глядит на вас с дорогуших витрин и переносных прилавков, подобно баррикадам перегораживающих улицы и станции метро. Узнать меня не составляет труда – и одновременно с тем это невозможно... Вы спросите почему? До этой проклятой истории я под пыткой не призналась бы... Но теперь, когда я в тупике и сама жизнь моя поставлена на кон... я решилась.

Дело в том, что я, известная писательница, прозванная Венерой Пенорожденной (на самом деле меня зовут Дианой), не создала ни одной из приписанных мне книг! Хотя именно писательский труд и приносит мне кусок хлеба. Как же так?

Когда-то, много лет назад, я познакомилась с остроумнейшим и талантливейшим человеком, имени которого также не буду называть. Для удобства буду называть его учителем. Ему я поверяла плоды своих первых вдохновений, и именно он придумал странную комбинацию, в результате которой я чуть было не погибла и теперь стою перед выбором – продолжать ли свое существование, являясь по сути единственной обладательницей страшной тайны, а мой бедный друг... Но не буду забегать вперед.

Просмотрев целый ворох исписанных мною листов, мастер произнес свой приговор: «Для того, чтобы добиться успеха в писательском деле, тебе следует надеть маску!»

Я не поняла и переспросила учителя – ни тогда, ни сейчас меня не считали уродом, но он был неумолим и тут же растолковал мне, что к чему.

– Во-первых, – сказал он, покусывая уже и так изрядно изглоданную трубочку и непрерывно пуская дым мне в лицо, из-за чего создавалось впечатление, что я консультируюсь с паровозом, появившимся в России в начале прошлого века. – Во-первых, вы, моя милая, избрали нетипичный для своего пола жанр. И, как я вижу, немало уже преуспели в нем. Между тем, с вашей внешностью... – Мастер разогнал руками плотную дымовую завесу, вероятно, чтобы убедиться, что я – это действительно я. Теперь и мне можно было, наконец, удовлетворить свое любопытство, разглядев мэтра. (Рукопись я отдала секретарю, а в этот визит лицезрела лишь серое облако, собравшееся вокруг великого гуру.)

Передо мною в донельзя скрипучем кресле-качалке (О боже, наконец-то я узрела причину убийственных звуков, услышанных мною, едва только я перешагнула порог комнаты!) сидел седовласый мужчина, больше всего напоминающий куль с неизвестно чем: вместо правой кисти у него был черный, как мне показалось, плохо сделанный протез (теперь я понимаю, что мое неприятие этой штуки заключалось всего лишь в том, что искусственная кисть была намного меньше, чем здоровая), ноги прикрывал старенький, выцветший плед, так что в первый визит мне не удалось проверить их наличие. На лице выделялись пуши-

стые бакенбарды и черный кожаный кружок вместо правого глаза. Но тут мой собеседник выпустил очередной клуб дыма и снова исчез за полупрозрачной завесой.

– Ваша внешность наталкивает на романтические мысли... мда... – он чмокнул губами и не спеша продолжил. – С таким лицом следовало бы родиться поэтессе или автору женских романов... а никак не детективов с, прости господи, обилием подробнейших сцен с расчленением трупов, откусыванием пальцев и...

Меня затосило при одном только упоминании о женских романах, а мой палач продолжал.

–.. Я мог бы создать вам недурную рекламу, думаю, что элитные дамские клубы и Центры женского творчества будут счастливы поддержать молодую писательницу с тем, чтобы в дальнейшем видеть ее своей представительницей...

Я поднялась, намереваясь немедленно уйти, но мастер оказался менее беспомощен, чем я предполагала, и, зажав трубку в зубах, здоровой рукой удержал меня за локоть.

– ...Сидеть! Я знаю, что делать! Обещайте, что будете во всем мне послушны, и я помогу вам. – Он насильно усадил меня на прежнее место. Я с трудом сдерживала набежавшие слезы. – Не реви. Идея проста как все гениальное. Ты... – На «ты» он перешел, едва только я кивнула головой в знак согласия, – ты пиши что нравится. Это пойдет! Но если хочешь признания и успеха, то писать ты будешь...

– Под другим именем? – всхлипывая, спросила я.

– Не только. Псевдоним не скроет тебя от глаз, а раз ты хочешь показываться перед читателем – значит это надо использовать на полную катушку. Но по-умному. Здесь нужно более мощное прикрытие, чем другое имя... мда... – Он оглядел меня сквозь ядовитый дым. – Я познакомлю тебя с одним парнем. Его отец известный в наших кругах человек. Мало того, он главный редактор одного серьезного издательства, сделавшего себе имя еще при совке... издательство в основном издает триллеры с мочиловом, вроде того, что пишешь ты. – Он махнул рукой. – Так вот, все что ты напишешь, он будет издавать под своим именем. Отец с удовольствием возьмется раскручивать сынка, тем более что и тематика подходит, да и пишешь ты уже сейчас намного лучше, чем его писюки. Что же до Владислава, это его имя, так для криминальной литературы его внешность вполне подойдет – такой скромный маньячок, подсознательный вандал и насильник. Сейчас такое время, киска, что писатель, мирно творивший в своей каморочке, менее интересен публике, чем писатель – личность, дающая интервью, перерезающая ленточки, устраивающая скандалы. Менее интересен – значит менее раскручен, менее раскручен – значит менее продаваем. А кому нужен непродávаемый писатель, будь он хоть третьим Дюма? То-то... О лидере хочется поговорить, посплетничать, на этом живет масса газет – целая отрасль... мда. Итак – ты будешь писать свои любимые кошмарчики и получать за это денежки. За то, что это издадут, можешь даже не беспокоиться. Все будет в лучшем виде. – Он пошуршал моими рукописями. – Но это еще не все. Одновременно, под твоим именем, будут выходить полные страсти и слез... произведения... ну...

Я замахала руками, умоляя садиста не произносить ненавистного термина.

– Привыкай – женского читателя, – распял он меня. – Его будет писать другой молодой человек, как бы это поточнее... лучше других, я бы даже сказал, на своей шкуре испытывший, что такое женская доля. – Он крякнул, отчего его кресло закрипело, соглашаясь с оценкой хозяина. – За качество не беспокойся. Отвечаю. Он и сейчас уже доведет до слез даже налогового инспектора. Так вот – он несет рукопись тебе, а ты, раздевшись во все эти ваши штучки, звонишь в один из своих излюбленных клубов, как их там? «Чайная роза», «Синий чулок», «Женщины против...», «Женщины за...». В общем, разберешься. Поднимаешь на уши своего коммерческого директора, он насилует издательство, те платят тебе – ты передаешь моему голубому протекже. Но и это еще не все. Павел, я вас скоро познакомлю, в свою очередь, не просто отдает тебе свои тексты, чтобы ты издавала их под своим именем. Павла

мы тоже постепенно сделаем великим писателем – он будет издавать под своим именем фантастику, которую вот уже лет двадцать зазря кропает Владислав. Круг замкнулся: Владислав пишет фантастику, но будет известным детективщиком, ты, моя дорогая, пишешь дюдики и ужастики, но мы тебя сделаем автором гламурных романов, что же до Павла, то, отдавая в твои нежные ручки женское чтиво, он превращается в писателя-фантаста. Все счастливы и довольны, никто не занимается тем, от чего его воротит, и главное – все при деле. Каково?! Мне же вы будете отстегивать проценты вплоть до моей смерти. Это ненадолго...

Я согласилась и десять лет не жалела о содеянном, до этой самой истории не жалела...

На первый гонорар, по совету учителя, я сделала ремонт в квартире и вскоре уже покупала мебель в духе будуара Молль Флендерс, героини Дефо, для приема журналистов.

Моими партнерами оказались Владислав Шоршона – внешне совершенно непримечательный человек лет тридцати, склонный к полноте, в круглых очках и с чуть оттопыренной нижней губой, как выяснилось, необщительный и совершенно одинокий, он проводил время за... а я даже и сейчас в точности не знаю, за чем. Помню только, что все стены его комнаты обросли старыми шкафами и повсюду лежали как попало еще непрочитанные, но уже покрытые слоем пыли журналы и только что изданные книги. Казалось, что он вознамерился поглотить все это, истратив на чтение как минимум одну жизнь. На столе в особой коробке, плотно прижавшись друг к дружке, лежали книги по алхимии, черной магии и астрологии камней и растений. Рядом ждали своего часа несколько колб, спиртовка, допотопная ступка и прочие вещи, назначения которых я не понимала.

Зная болезни, как мне кажется, на личном опыте, Слава великолепно разбирался в разных лекарствах и всегда мог присоветовать что-нибудь стоящее.

Я никогда не замечала, чтобы к Шоршоне заходили дамы. В доме не было абсолютно ничего женского – ни красивых белых скатертей, ни причудливо свисающих из своих узорчатых кашпо цветов, ни женских шампуней и кондиционеров в ванной комнате или хорошеньких, пусть недорогих, сервизов. Ни-че-го...

Между кроватью и дверью на трехногой табуретке стоял дешевый магнитофон. Из музыки у него была только классика, да и ту он слушал нечасто. В общем, как подумаю, что кто-то посмел поднять руку на такого вот безобиднейшего агнца – просто хочется взять автомат и...

Вторым моим соавтором, как он сам себя называл, был Пава – Павел Зерцалов – милое, хотя и слегка коварное, но очень красивое существо – настоящий принц из сказки – длинные черные волосы, густые брови, прямой нос, глаза... Жаль. Хороша Маша – да не наша. Про него я потом расскажу.

Тогда зимой я ждала, что Владислав подкинет мне малость денег, тем более что для работы над повестушкой мне было просто необходимо навещать анатомический театр и поднимать в архиве дореволюционные газеты – что стоит недешево, да и время отнимает ужас сколько.

Моя квартира выходит почти всеми своими окнами на Фонтанку. Потолки высокие, и я люблю наблюдать, как в белых шторах гуляет ветер. Фонтанка подо льдом, но мне кажется, что льдом скоро покроется экран компьютера и кровать с головками амуров, стулья в стиле кого-то из Людовиков (в этом лучше разбирается Пава – он их и покупал) и даже маленький переносной каминчик, искусственный огонь в котором нервно подрагивает, готовый застыть на морозе. Обледеневший огонь – бред!.. Но звучит красиво. Хорошо было бы использовать где-нибудь как название...

Нет! Пора учиться как-то утеплять свое жилище и главное – эти окна!.. Окна с неизбывной красотой за ними... Окна!..

Гостиная вообще расположена в угловом варианте, так что окон там, как в оранжерее, где замерзает в ожидании вожделенных баксиков богиня любви. Денег, без которых не то

что не утеплиться, а только и остается что «сосать лапу», что делает процесс работы на компьютере абсолютно невозможным, даже для такой прославленной птицы, как я. А Славы все нету.

Он явился через неделю после того как обещался, весь какой-то неприкаянный, злой, растрепанный. Я только потом догадалась, что у него это состояние должно было означать счастье. Так уж оно в нем проявлялось, в бедном, что в крещенские морозы без шарфа и нараспашку... Это душа пела. А я, дура, не поняла и еще обругала блаженного.

Шоршона прошел в комнату, обувь снял, хоть он и один живет – вечный холостяк – зато труд женский уважает. Тапки я за ним понесла – надо же, забыл, рассеянный. А в квартире дубак, на полу каминчик переносной – светит да не греет. И окна, окна, окна!.. Владислав первым делом деньги стопочкой на трельяж положил, флакончиком сверху придавил, даже не улыбнулся. Я думала, жадничает, а он даже чая пить не стал – так, посидел чуть-чуть для порядка.

– У меня, – говорит, – заказ новый, важный, – и кашляет в кулачок, краснеет. Все гениальные люди стесняются и, чуть что, в краску. – Я один его сделаю. Решил.

И вскочил сразу же, засуетился, понял, что я от таких его решений в восторг не приду, и опять смутился. Я так думаю – меня обижать лишний раз у него в голове-то не было. Десять лет работали...

Ушел. Все из рук валится. Делать ничего не могу. А что – откажется от меня, папа-то по-прежнему в своем кресле главным редактором сидит. Это, конечно, правда, что писателем за один день не становятся, но кто его знает – сорок лет мужику – а может, он все это время учился? Откуда мне знать? И главное, что мне-то теперь делать?! Когда стиль, манера, подача – все до мельчайшей черточки выверено?! Серии заказаны! Материал собран...

Напишет он – как же, видели! Да у меня одних только архивов столько набрано, что он закопается в них вместе с очками, а все равно без толку...

Разнервничалась, ночь из угла в угол ходила. Курить и пить при моем имидже нельзя! А в фитнес клуб гламурно тоску разгонять – желания не было.

В общем, добра я ему не желала, но и разубеждать тоже не стала. Пока есть заказы, поработаю, а там Славка сам приползет. Быть такого не может, чтобы не приполз.

И точно: через месяц – звонок, потом и сам наведалься, весь как побитый, даже жалко стало. Сначала все вокруг да около ходил, потом сознался. Перед Новым годом позвонила ему старая подруга – будто бы еще в школе вместе учились. И, судя по всему, его первая и единственная любовь. Ну, тогда понятно, ради такого дела и литература побоку.

Помню, как сейчас, сидит передо мной мой бедный друг, чай у него в чашке давно остыл, а он и не замечает.

– Она совсем не изменилась, – говорит Владислав, – все та же, только еще нежнее, еще красивее... Я ее сразу же узнал, но не подошел, не решился...

«Ясное дело, с такими как он женщине всегда приходится первой делать шаг...»

– ...Она тоже меня узнала. Мы погуляли, а потом обменялись телефонами. Она давно замужем... актриса...

Слава замялся, испуганно подняв на меня близорукие глаза, ведь знает, что я считаю что всех мало-мальски проявившихся служителей Терпсихоры и Мельпомены, по крайней мере в этом городе, знаю.

– ...Потом она сама мне позвонила... – Опять молчание. Слушаю его, а в голове одни покойники. Повестуху я еще вчера закончила, осталось вывести на бумагу и проверить, с орфографией беда. Одну кончила – а надо три. И тут он, сам того не подозревая, погнал мне сюжетец, да так, что я чуть за диктофоном в спальню не побежала.

Оказывается, дама явилась не просто так. И то правда, я бы тоже без особой надобности не сунулась, хоть и знаю Славку с незапамятных времен. Не любят таких женщины и все

тут. Вот я – вроде в жизни с ним не ругалась – молиться на него могу, а замуж ни за что на свете. Разве что по приговору народного суда. За таких не выходят. И подружка его школьная неспроста заявила, что-то у нее в семье не ладится.

– ... Там такое деликатное дело, постороннему человеку нипочем нельзя довериться, – говоря это, Владислав потеет, хотя в комнате дубак, снимает и протирает клетчатым платком круглые очки. Жалко его. Я выношу на кухню остывший чай и наливаю свеженького, горяченького, но теперь добавляю туда немного отвара мяты и мелиссы – рецепт моего двоюродного братца, нервы лечит.

– Я, может, не вовремя... – Он пытается улизнуть, но я чуть ли не силой удерживаю его на месте. Этого еще не хватало, кто-кто, а я-то прекрасно понимаю, когда в воздухе только-только потянет жареным.

«Говори же ты, придурок, что я, зря на тебя столько времени убухала?! Колись!»

– ... Понимаешь...

Слова из него надо клещами драть, рот аж перекосило с непривычки, но да я с живого с него все равно не слезу, не на ту попал.

– ... Рита училась со мною в одной школе... в седьмом мы даже сидели за одной партой... вот...

«Ну что вот? Да не молчи ты, окаянный!»

– ... Поэтому она и обратилась ко мне за помощью. В общем, один... один... тип преследует ее. Звонит, когда ему заблагорассудится, письма пишет с угрозами... вот...

– А от тебя-то она чего хочет? Ты ведь не частный детектив, не самбист какой-нибудь, чтобы рожу паразиту начистить, и вообще...

– Я... – Слава поднимает на меня удивленные и полные смущения глаза. – Я – писатель Владислав Шоршона. То есть, она думает, что все эти детективы написал я... Все так думают. – Он опять краснеет и начинает изучать плетеный коврик на полу, что я никак не могу ему позволить.

– Ну и что же из этого? Правильно – все думают – потому что мы так хотели, – ободрила я его. Странное дело, стоит Славе понять, что все идет по правилам, и он – вновь человек, если, конечно, эта рабская осанка чем-то напоминает человеческую. Я смотрю на Шоршону и думаю, что учитель был прав – при столь незначительной внешности волей-неволей начинаешь искать в этом неказистом мужчине какую-то внутреннюю суть, свернутую по форме впалой груди и согнутых плеч пружину, которая раскроется однажды и потопит все в крови. Замечательный персонаж для психологического триллера с серией убийств. И все-таки в наших ледовитых условиях мужчины должны быть поактивнее...

– Ну, так что же? – не выдерживаю я. – Один мужик преследует ее. Что дальше?

– И она... она боится, что об этом узнает ее муж и вообще... родня, пресса, ты же в курсе, каково людям с ее профессией.

– Значит, к властям она обратится не может?

– Да. Дело очень деликатное: этот парень... – он делает большие глаза, – ее бывший любовник!..

«Боже. Я знала это с того самого момента, как он вошел. Вот морока-то со старыми интеллигентами!»

– ... Она напугана и теперь уже ей нужна поддержка специалиста и...

– Друга, – заканчиваю за него фразу.

– Да. Да. Дело в том, что она всего боится, поминутно ей кажется, что он вот-вот вылезет из-под кровати, или что в комнату влетит через окно труп ее любимой собачки...

«Труп!» – Я с облегчением вздохнула.

– Конечно, до этого дело еще не дошло, слава богу, но жить в постоянном страхе, каждый день ожидать, что все станет известно мужу. Они так что-то подозревает...

– А что тут такого особенного? Ну, был у нее этот тип сто лет назад... подумаешь, большое дело. Может, муж и не среагирует.

– Если бы она давно уже сама призналась... объяснила что да как... А то, как же вот так сразу... Мол, извини – до тебя у меня был еще кто-то, но это не важно, – он начинает тараторить, раскачиваясь всем корпусом и махая руками. Невыносимый человек. – Но если это не бог весть что – как объяснить, что она все это время скрывала его угрозы?

– Ну, мало ли... Не поверила, не придавала значения... – Я прошла по комнате, все тело словно затекло и болело.

– Да, но это длится уже шесть месяцев.

– Полгода?! Тогда совершенно ясно, что этот подонок ничего не сделает. Шутить изволишь? Это же психология.

– Я тоже понимаю, что он не посмеет. Кстати, из твоих романов почерпнул. Но вопрос уже в другом, она живет в постоянном напряжении, что заметно всем вокруг. Муж строит самые нелепые предположения...

– Пуганая ворона куста боится.

– Не говори так, а то я уйду.

– Хорошо, не буду. Только объясни, чем же ты можешь ей помочь?

«Все-таки, я люблю Славку – шутка ли, только в его присутствии, да еще, может быть, с Павой я и могу оставаться самой собой. Вот горюшко-то. Все остальное время изображаю из себя «женщину-приз», хотя знаю, что я – скорее уложенная в прекрасную подарочную коробку бомба. Десять лет не жить своей нормальной жизнью, десять лет не надеть драные джинсы и безразмерные джемпера, которые я так люблю, десять лет постоянных пыток в спортзалах и бассейнах, общения с массажистами, сладкими куколками и обхаживающими тебя бандитами, десять лет находиться в маске!»

– Она читала мои... твои... детективы и пришла посоветоваться, что ей делать дальше.

– А если поговорить с этим паразитом? Нормально поговорить, и, если не отвянет, заплатить кому нужно, чтобы начистили рыльце. – Я подсаживаюсь к каминчику.

– Невозможно. Никто не знает, где он живет.

– А выследить? Есть же специалисты. Поймают гада и объяснят, что такое хорошо, а что такое плохо?

– Она уже пробовала. Никакого результата.

– Тогда я посоветовала бы больше времени отдавать творчеству, говоришь, она актриса?

– Именно это я ей и предложил! Но она, бедняжка, ни о чем другом и не думает. Случись ему позвонить ночью, она не может уснуть до утра, не в силах заставить себя выйти на улицу, и главное, она уже не может нормально контролировать себя. Забывает текст, вздрагивает при каждом звуке. И все замечают. Строят предположения одно нелепее другого. – Он пригнулся к камину и, пользуясь своим джемпером как прихваткой, потянул источник тепла себе под ноги. – Она боится того, что преследователь расскажет об их отношениях мужу.

– Ну так уехала бы куда-нибудь за границу, и благоверного с собой прихватила. Может, в их отсутствие он переметнется доводить кого-нибудь другого.

– Надолго уехать она не может. В театре быстро найдут замену, знаешь, как там, чуть женщина начинает стареть, становится уже не такой красивой или не справляется со своей ролью. Только поймут, что даешь слабину, как на твое место сразу же очередь выстроится, причем все молодые, красивые и ноги от ушей. А ОНА – она не такая. Она душевная и талантливая от бога...

– Да. Это уже серьезно.

– Вот именно! Но тут я вспомнил, что для того, чтобы снять стресс, иногда бывает достаточно выговориться или даже говорить об этом постоянно, выплескивая всю внутрен-

нюю темноту, покатам – внутри – уже совсем ничего не останется. Проигрывать эпизод за эпизодом... Я читал, что в Африке шаманы практикуют нечто подобное. Например, когда у одной женщины умерли или погибли дети, ее заставили протанцовывать всю историю от рождения малышей до их смерти, заново испытывая радость и горе. И через год... Время лечит.

– Понятно. Но что конкретно ты ей посоветовал? – Я терпеть не могу, когда люди отвлекаются от основной темы, и начала уже уставать.

– Что?! Я посоветовал ей найти пьесу, где бы у героини были схожие проблемы. Я даже предложил ей несколько вариантов, но она сказала, что ей сейчас сложно перевоплощаться в кого-либо. Она хочет сыграть себя. К тому же – это очень умно – так, оставаясь по-прежнему наедине со своими страхами и предчувствиями, она сможет говорить всем и вся, что работает над ролью, и подозрения снимутся сами собой. Но только текст должен быть максимально приближен к окружающей ее действительности.

Я затаила дыхание.

– ...В общем, она попросила меня написать для нее пьесу. То есть, не то чтобы пьесу – она же знает, что я не драматург. Рита хочет, чтобы я написал болванку – основной сюжет: любовь – расставание – угрозы – помешательство – смерть. И сделал бы несколько сцен... для моноспектакля... Ей сейчас сложно общаться с кем-либо...

– Ну и?.. – не выдержала я.

– Я написал четыре варианта... но пока все не то. Марго хочет, чтобы материал был острее, даже грубее и невыносимее, к тому же, попросила принести ей с десятка самых гнусных и оскорбительных писем...

«Ах, вот в чем дело. Значит, ты не способен оскорбить женщину, даже по ее настоятельным просьбам, а я могу?! Вот зачем я тебе нужна!»

– ...Чтобы она лучше могла почувствовать весь ужас... происходящего...

– Извини, – я посмотрела в глаза Владиславу, – ей что, своего страха не хватает? Да она у тебя мазохистка! Или, может, писем не существует на самом деле, а дама только желает их получить? Зачем?

– Не в том дело. Вот еще придумала! – Он встал и подвинул камин так, что тот оказался у него между ног.

Настоящие письма хранятся у нее в столе. Только... немилосердно заставляя актрису играть на сцене самоубийство, пользуясь при этом канистрой бензина и свечой, как у тебя в «Агонии», или проливать всамделишную кровь. Потом, подлинные письма – это реальность, от которой ей впору бежать. А мои – это игра! К тому же, если они не хуже, а даже лучше тех других! И тут загвоздка. Дело в том, что я не могу создать что-то действительно страшное или мерзкое. То, что может довести такую женщину, как Маргарита, до сердечного приступа.

«Ага. Вот оно! Заказ! Мне!»

– Может, ты могла бы написать по дружбе...

«По дружбе – значит бесплатно, а у меня из трилогии сделана только одна повесть, да и та...»

– Ну, не знаю. – Я закуталась в шаль. – Для того чтобы обидеть или уколоть человека, нужно общаться, а то и быть с ним в достаточно близких отношениях... Кто она? Мы знакомы?

– Нет, нет и нет. Я и так слишком много уже рассказал. А ведь она даже не в курсе, что я советуюсь с тобой!

– Ну, это уже судьба. Я ведь тоже бегу к Паве, едва только какому-нибудь журнальчику требуется новая женская история. В смысле новая история, произошедшая со знаменитой Дианой Венерой. Что-нибудь пикантное. Например, я продала свои трусики за три тысячи евро, или меня хотели продать в гарем к султану. Последняя история провисела в Интернете

месяца четыре, пока ее не вытеснили прогнозы нового денежного кризиса. А тут – что я могу сказать?.. Принеси хотя бы те письма. Я ведь понятия не имею, что именно способно вывести твою приятельницу из состояния равновесия. Меня, скажем, добивает, когда мне говорят «детка», или «малышка»... а ты...

– Про себя я сам знаю. – Он подвинул камин к моим ногам. – Хорошо. Я попрошу письма. Только я перепишу их вначале и отдам тебе копии. Я итак сказал лишнее...

– Хорошо, – сдалась я. Человек хочет делать лишнюю работу. Да будет так.

Мы расстались. Тогда я даже не предполагала, что невиннейшее мое согласие написать несколько писем с липовыми угрозами повлечет за собою всю эту историю.

Проводив Славку, я засела за комп, работая до вечера и, время от времени, гнусава в телефонную трубку написанную мне заранее Павлом сладкую муть для двух не в меру назойливых журналистов и который раз отказываясь от ресторанов с горячим вином и одним из южных красавцев, что особенно допекают меня в последнее время. Хотя это и против правил, ведь блондинка должна «светиться», только при этом условии писательница сможет карябать в своем ледяном доме детективчики, в то время, как под ее именем будут выходить всё новые любовные истории, каких она сама никогда не изведает – прекрасная, как раковина, в которой нет моллюска, но живет эхо...

Я не спешила сочинять письма актрисе, надеясь до прихода Павы напечатать как можно больше. Ведь, когда он явится, мне останется только слушать наиболее интересные, с его точки зрения, места «моего» нового романа. Дело в том, что имя именем, но о чем-то ведь нужно говорить с журналистами, с редактором, и это верх неприличия, когда писатель не знает имен своих главных героев. Поэтому талантливый Павел Зерцалов часами начитывает мне страницу за страницей истории своих... да, думаю в какой-то степени своих похождения. А потом несколько интервью... Вся наша троица не любит разговаривать с журналистами лично – куда лучше отдавать в редакции заранее заготовленные ответы на вопросы. Когда же речь заходит о литературе, мы стараемся не критиковать друг дружку. Самокритика же у нас приравнивается к подкопу под равноправного партнера. А это смертный грех! Наверное, мы с Павой могли бы выступать с дифирамбами в честь друг друга, снискав тем самым славу людей, ратующих за развитие и процветание литературы и сердечно радующихся успеху друг друга. Но я мало что смыслю в фантастике, приписываемой Зерцалову, а воспевать хвалу криминальному чтиву мне, в частности, не позволяет мой имидж. Такой кисейной барышне скорее пристало бухаться в обморок или брезгливо отворачиваться при одном упоминании о подобном жанре. И это от своего-то детища! Достойный повод сойти с ума.

2

ПРИНЦЫ И ПРИНЦЕССЫ

«— Милая, милая моя Генриетта. Делай со мной все что захочешь, но я больше не могу без тебя. Много лет я искал по всему свету такую как ты, и, когда нашел, не поверил... ты слишком прекрасна, ты божественна, в то время как я... кто я такой?! Я не достоин тебя! Твои родные никогда не согласятся обвенчать нас, никогда!

В порыве страсти молодой человек схватил меня за руку, голос его прерывался, словно он говорил сквозь мешающий ему огненный ветер.

— Любовь моя, я сдаюсь, я сопротивлялся своему чувству, я бежал от тебя, но я проиграл. Когда взойдет солнце, меня уже не будет. Дай же посмотреть на тебя в последний раз! Нам нету места вдвоем на этой земле — земле наших предков. Поэтому утреннее солнце застанет мой одинокий труп.

— О нет! — воскликнула плачущая Генриетта. — Не оставляй меня, Орлан! Я умру вместе с тобой! Каждый день без тебя был для меня пыткой! Я не хочу жить в мире, где не будет тебя! Возьми меня, люби меня в эту ночь, под черно-бархатными небесами, и пусть утреннее солнце озарит наши безжизненные тела, раз не хотело повенчать любовь!..»

Павел опустил голову и тут же поднял на меня полные слез и восторга глаза.

«— Я люблю тебя, звезда моя! Душа моя! Я люблю тебя, как еще ни одна женщина не любила мужчину...»

— Стоп! — Наваждение как рукой сняло. — Мне показалось, сейчас была реплика юноши?

— Ну да... — Пава огляделся по сторонам, как человек, не понимающий до конца, кто он такой и где собственно находится.

— Так почему же у тебя герой говорит героине, что любит ее как женщина?

— Что?! В самом деле, — он уставился на листок. — Ну надо же! Как это получилось? Я, видимо, так увлекся, что...

Я обняла его и чмокнула в щеку. Он слегка прижался ко мне.

— ...Тебе понравилось? — спросил он с надеждой.

— Не все. Сцена изнасилования в первой части, например, выглядит ненатурально: обстановку, которую застает герой, ты описываешь как место ожесточенного сражения, а меж тем у тебя действуют четыре человека, и времени у них не так чтобы и много. Понимаешь, с одним насильником можно и должно побороться, но четверо — да один возьмет тебя за руки, второй за ноги, третий будет придерживать голову — меж тем как четвертый... — Я расположилась на подлокотнике кресла, играя с его прекрасными волосами. С тех пор, как до меня дошло, что Пава отнюдь не ненавидит женщин, наши отношения с ним складываются, как если бы он был моей подругой, с которой можно и пошалить. Единственной подругой...

— Да... да... если четверо... — мечтательно произнес он и стянул с меня шаль.

— А в общем, неплохо. Когда я смогу отнести текст в «Розу»?

— Недели через две. Я выписал тут для тебя имена героев и основные сюжетные ходы. Я пошла заваривать кофе.

— Ты не забудешь, что вечером мы идем на презентацию нового поэтического журнала? — кинул он вдогонку, укладывая в папку листы рукописи.

— Да, — К моим светским обязанностям присовокупились и эти. В прошлый раз, когда Зерцалов навещался ко мне, с хорошеньким шоколадным тортиком и бутылкой крем-ликера, я заметила на шее этого близкого и недоступного принца синяк. Опять не повезло с любовником. К тому же и слухи поползли — кому это приятно? А тут еще и совпало, мои поклонники начали изводить предложениями руки и сердца, что уже совсем ни к чему, с

моим-то имиджем. Вот и пришлось теперь играть для всех роль сладкой парочки, оставаясь каждый при своем.

Мое лицо – лицо женщины, неиспорченной интеллектом, – неизменно привлекает мужчин, так что когда удерживаешь их на порядочном расстоянии – все великолепно, а чуть дашь слабины – пиши пропало, сразу же приходится искать что-нибудь для прикрытия, как шпионка, ей-богу!

А с Пашей мы смотримся великолепно, я бы вообще вышла за него, но думаю, что у красавца-принца другие планы. Когда-то давно, еще в детстве, у меня в комнате висел старинный портрет молодого человека, как две капли воды похожего на Зерцалова. Я была влюблена в него и как-то даже шепотом поклялась ждать его, искать и любить всю жизнь. И вот нашла...

В любом случае, наша троица не имеет права на серьезные отношения с кем-либо на стороне, потому что тайна превыше всего.

Последние год-полтора Пава под своим именем начал издавать фантастические рассказы. То, что он их не пишет, – факт. На это у него просто нет времени. Кто тогда? Конечно, Слава. Нечего сказать – наляпал учитель комбинаций – сколько еще таких? Не подкопаешься – все концы с собой унес.

Уже в дверях нас остановил телефонный звонок – Людмила из Тендерного центра сообщила, что в феврале у них съезд где-то в Германии, я так и не поняла где. Не люблю, но приходится соответствовать – книги Пашки и моя популярность напрямую зависят как раз от таких путешествий, но в этот раз откажусь – невозможно ведь в такие поездки брать с собой черновик трилогии «Плоть», «Похоть» и «Ярость». Нельзя даже книгу из подобной серии захватить с собой почитать, не то что самой писать. Ничего, пропущу – один раз прощается, к тому же зима в Германии... Ничего, летом наши «сестры» в Турцию собрались, вот там-то у них будут все шансы меня запарить.

Пава пробыл у меня с неделей. Очень было нужно оказаться слегка скомпрометированной, ну самую малость. Вообще присутствие в доме смазливой, неженатой молодца действует на мужиков, атакующих меня, как запах кота на крыс.

Хотя, защитить скорее я его смогу – раз в неделю тренировка, смешно, ей-богу, книги издаю от женского общества, а в тренеры выбрала Никиту-афганца, все равно без мужиков не обойтись. Слава богу, мой имидж к этому располагает. Можно было, конечно, остановить свой выбор на Тамаре, тем более что она и серьезнее, и куда опытнее, но... перспектива связаться с бешеного нрава лесбиянкой под два метра ростом, с черными длинными волосами, текущими по обе стороны головы от ослепительно белого пробора и заплетенными в тугие косы, которыми она при необходимости пользуется как своеобразным оружием, привязывая на концах по небольшому, но тяжеленькому грузику... нет. Всеу на свете есть свой предел.

Пава, как я уже сказала, прожил у меня неделю, в течение которой мы ели шоколадные конфеты, читали роман о любви и ходили вместе в бассейн и в секцию верховой езды, что уже год как организована в ближайшем пригороде, всего в часе езды от дома.

В кой-то век я чувствовала себя отдохнувшей и вполне счастливой. Генриетте все-таки удалось выйти за своего Орлана, чему я даже была рада.

Тем временем мой друг уехал, оставив огромный букет алых роз; я уже хотела с новыми силами взяться за «Ярость», как вдруг без всяких предупреждений появился Слава.

Сейчас я шаг за шагом вспоминаю те последние месяцы, когда я еще была в силах все изменить... и упрекаю себя за ту черствость и непонимание, которые невольно выплескивала в лицо этого нескладного, но бесконечно дорогого мне человека.

Вообще-то я существо вполне мирное, и при всей своей необщительности и любви к одиночеству легко могу найти общий язык с кем угодно. Я не обращаю внимания на расовую принадлежность, религиозные воззрения или сексуальную ориентацию. А специфика

избранного жанра неоднократно заставляла меня становиться на позицию и преступника, и жертвы – поэтому вам должно быть понятно, насколько сильно меня нужно было довести, прежде чем я страстно буду желать убийства. Так сильно и пламенно, как ничего и никогда еще не хотела!

3

ПРЕДЧУВСТВИЯ

– У меня ничего не получается. – Владислав развел руками и отвернулся, словно мое присутствие доставляло ему боль. – Я не понимаю Риту, я все испробовал... – он засуетился и достал из портфельчика с застёжкой изрядно измятые листки.

– Что такое – ты даже не перепечатал? И хочешь, чтобы я теперь разбирала все эти каракули?

(Меж нами был заключен договор о порядке оформления литературных трудов – и даже черновики, несмотря на то, собирался ли автор читать их вслух или нет, отпечатывались через два интервала, и никак не далее, чем второй экземпляр. Я лично даже подумать про себя не могла – притащить кому-нибудь из моих ребят что-то подобное.)

– Сожалею, но она просила меня как раз не печатать... Она говорит, что для того, чтобы лучше войти в роль, ей не подходят ровные машинописные строки. Тут нужен индивидуальный почерк, передающий волнение, напряжение, жестокость и...

– Ясно. Но я не Маргарита, и если ты хочешь, чтобы я работала с твоими текстами, изволь раздобыть что-нибудь читабельное. Потом, для оскорбительных писем мне нужно больше знать о... о нашей жертве – например, описание домашней обстановки, привычки, распорядок дня... словом то, что составляет личное, мало или совсем недостижимое для посторонних глаз... Знаешь, как страшно, когда чужой человек знает то, что не мог видеть никто? Скажем, как ты пьешь у себя дома чай и грызешь ногти, проглядывая кроссворд в журнале за 1969 год, время от времени косясь на дверь и прислушиваясь к стуку лифта. Людей нервирует, когда о них известно чуть больше, чем они сами этого хотят...

– Да. Но...

Я знала, что эта тема актуальна для нас обоих, но до сих пор гадала, кто же была эта актриса и что могло взвинтить ее.

– Ты переписал для меня эти пасквили?

– Да... Но... видишь ли... – Он придвинул свой стул и погладил клавиатуру компьютера. Этот жест на языке нашей тройки считался особо доверительным, чуть ли не интимным, никому другому я в жизни бы не позволила даже стоять рядом с моим письменным столом, не говоря уже...

– Я прочел их все. Но, Диана, я, конечно, не могу показать их тебе, чтобы еще больше не скомпрометировать мою знакомую, тем более, что почерк... Видишь ли – это сразу же бросилось мне в глаза – почерк женский.

Я вспомнила о Паве его каллиграфическую шедеврину вполне можно было принять за женский почерк, да и стиль, и манера...

– Я промучился над ними ночь, снова и снова натываясь на подтверждение догадки. Утром я был уже у нее.

– Ну и?..

– Речь шла о преследовавшей ее женщине! Это-то, по ее признанию, делало совершенно невозможным рассказать обо всем мужу! – Слава посмотрел на меня, лихорадочно кусая губы, но услышанное не произвело на меня ровным счетом никакого впечатления. Он несколько разочарованно продолжил. – Эта женщина опасна. Рита познакомилась с нею лет двадцать назад, и давно забыла о ее существовании, а теперь просто напугана и сбита с толку. Мы не знаем, как ее найти, она не дает возможности объясниться.

«Ага. Вот наш скромник и сказал «мы». То-то еще будет».

– ...Короче, сделать ничего нельзя, и не будем об этом. Собака, которая долго лает, как правило, не кусает. Я хочу только помочь Марго вернуть душевный покой, возобновить работу в театре и, главное, хранить все в тайне. Я надеюсь на тебя.

Я медленно взяла со стола исписанные листки и начала читать их один за другим, ежеминутно натываясь на неразборчивые слова. Владислав считал, что не мешает мне, молча хрустя пальцами с обглоданными ногтями. Уже с первых строк я знала столь тщательно скрываемое имя актрисы. Это была не кто иная, как Маргарита Белкина – без сомнения, талантливая и очень красивая шатенка. На моей памяти она сменила пять-шесть театров, переходя от режиссера к режиссеру по зову сердца, и бросала сцену всякий раз, расставаясь с очередной «вечной» любовью, тут же выныривая где-нибудь недалеко с новым обручальным кольцом на пальце. Года три назад у нас был один любовник, и неизвестно чем бы закончились наши с нею так и не начавшиеся отношения, если бы не договор – нерушимое соглашение троих – не допускать в свою жизнь никого. Так, я могу иметь сколько захочу любовников, не связывая себя с ними никакими обязательствами.

Имя мерзавки, затеявшей эпистолярные сношения с нашей нынешней клиенткой, мне тоже оказалось знакомым (до чего же тесен мир!). Немного подумав, я вспомнила малоизвестный театрик в модном тогда восточном стиле, сочетавшем в себе элементы Ци-гун, Кун-фу, маски, стилизованные под театр Но, и, кажется, отдельную программу ритуальных индийских танцев. Все это наводило на неприятные мысли – не столько из-за моего отношения к Востоку, сколько из-за физической подготовки преследовательницы. Помню, что театр уже и тогда имел весьма ограниченное число поклонников, потому что представления были редки, хотя и очень профессиональны. Поговаривали, что актеры поглощены самосовершенствованием и весьма активно посещают тренинги. Мне тоже случилось побывать на двух-трех занятиях, и могу засвидетельствовать, что преподавание на них велось на очень серьезном уровне. А это в корне меняло дело. И из образа обыкновенной скандалистки постепенно начала вырисовываться хорошо подготовленная, накачанная и чуть ли не вооруженная фигура хищницы.

Однако я не стала пугать Славу, хотя и пообещала попробовать навести справки о бывшей танцовщице. Вообще странное дело – я заметила это, еще когда косила под лесбиянку. Стоит только сообщить малоинтересному для себя мужчине эту свою особенность, как он тут же начинает вспоминать, что есть, мол, у него знакомая, с которой ему срочно нужно тебя свести. Маразм. Как будто если невооруженным взглядом видно, что я нормальная женщина, то мне сразу же подавай мужика! Бред! Я не верила, что стерву эту – Танечку Светлицкую, – тем более если она гадость задумала, удастся скоро вычислить. В письмах же были только угрозы, ни единого условия – ни одного шанса. Проклятие. Я представила себя на месте Риты – жизнь в ожидании удара, и еще какого... Да, она богата: муж – известный лекционер, но если не можешь признаться в этих преследованиях, значит уже не получится открыто нанять охрану, а в театре... это же проходной двор – туда можно войска ввести – живи не хочу. У них однажды осветитель запил – искали, найти не могли, оказалось он днем спал, а ночью пил и в декорациях путался...

Но ради покоя примадонны нам с Владиславом следовало написать пьесу, что ни он, ни я делать не умели. И в любом случае – если Белкина обратилась к Славке не просто как к своему школьному другу, а еще и как к известному автору – значит, она знает, чего хочет, и напиши он хоть шедевр из шедевров – она охотно отдаст его за пару страниц моего творчества, будь это хоть бред наполовину с халтурой.

Я подумала, что можно будет где-нибудь использовать эту историю двух амазонок с эффектной дракой в конце, и сходу набрала на компьютере пару-тройку основных ходов, в духе нашего общего учителя, и окончательно придя от этого в восторг, неожиданно для себя выдала крошечный текстик: «Твой П.». Вот он:

«Народ достает – сил никаких нет. Пришлось назваться лесбиянкой (активной, агрессивной, мол, годмише в сумке – выньте-нате!).

Испугались, смутились. Сдержанный кивок – мол, «понимаем, как же, лесбиянка – тоже человек». А уже на следующий день начали требовать членские взносы.

Я ору, сопротивляюсь, доказываю, что, мол, нет такого налога на годмише! Не догадались еще придумать. А этого... ну, чего нет, того нет. И денег у меня нет, и вообще ничего нет! Можно проверить!

Теперь говорю, что мужчина у меня все-таки есть, зовут Павел. Он нежный и красивый, добрый очень, чудный такой, в общем, мне подходит. Да что там – лучше не надо. На самом деле – лучше и нет!

Я про него здорово научилась истории разные рассказывать, стихов напосвящала – обрядаться. Брелок или перчатку какую найду – всегда могу отличить – его это или нет. Еды вкусной, бывает, наготовлю, как он любит. Одеваться тоже стала по-другому – сексуальнее – для него. Вещей всяких мужских накупила, в шкафу повесила и поверила. По-настоящему уверовалась. Все поверили.

Сегодня пришла вечером домой, а в постели темная роза лежит и записка.

«Буду в полночь.

Твой П.»

Жду!...»

Уверенный в том, что я занялась делом, Славка шарился в прихожей, борясь с непослушной обувью.

Пока он ходил в магазин (терпеть не могу покупать картошку и прочую тяжесть), я набросала несколько страниц, вложив туда все свое недовольство по поводу прерванной работы. От имени ревнивого и взбешенного невниманием молодого человека я проклинала на чем свет стоит Марго, подхлестывая себя тем, что, не отвлеки меня Славка неожиданным и неприятным заказом, я уже давно бы расследовала убийство в... Ну вот – я даже не знаю где! Дожили!

Итак: звонки и письма повлекли за собой нервные срывы – ясно. Муж подозревает... А почему? Что, вспоминает прежних дружков жены? Очень даже может быть. Ходят сплетни? Пожалуй. А может, он тоже получает послания и не показывает их Рите, не желая выглядеть в ее глазах идиотом, или хочет проверить?! Тогда у него есть все основания следить за ней!

Я чувствовала вдохновение. Что же он видит – жена ведет себя странно, то и дело получает письма и отмалчивается или делает вид, что их и не было. Звонки в любое время дня и ночи – это-то он не может не заметить...

Мои мысли прервал Шоршона, и я, накинувшись на него в прихожей, выложила все. После чего он с полчаса висел на телефоне и наконец заявился ко мне на кухню красный как помидор и попросил написать еще и письма для мужа, но с тем, чтобы прочитавший легко смог распознать, что анонимщик никогда не допускался в квартиру дальше порога, а значит, легко можно будет поставить под сомнение и все остальное.

Но это уже полный бред! Ревнивец хватается за любую мелочь. Зачем писать ему? К тому же лениво. Но делать нечего. Слава вымолил в издательстве отца отсрочку, и я занялась ненавистными письмами.

Желая слегка перенаправить беспокойную головку Шоршоны, я присоветовала ему обратиться за помощью – нет, не к психиатру. На это он в жизни бы не решился, а в «Гадаальный салон Линды».

Линда – моя ровесница – была сестрой Яна Касареса, который время от времени помогал в моих архивных поисках. Наверное, на самом деле я всегда чуть-чуть побаивалась слепой ясновидицы. Точнее, слепой она была большую часть своей жизни, но даже после операции сохранила некоторые старые привычки типа ощупывания всего и вся, встречающегося ей на пути. В музей ходить с такой спутницей, наверное, последнее дело! Кроме того, она была сама не своя до красивых молодых людей, которые и вились вокруг нее в невероятном количестве. Но одно можно было сказать наверняка – искусство медиума она познала в совершенстве. Видела будущее, мало того – время от времени, как настоящая шаманка, помогала чьей-нибудь заплутавшейся душе найти дорогу назад, спасая наркоманов, шизофреников и не в меру перетрудившихся и заплутавших в собственных построениях писателей.

О Линде, как о человеке, не желающем считаться с мнением окружающих, ползли самые нелестные слухи – лично я старалась держаться от нее подальше. А то – черт их, экстрасенсов, знает – чуть что не по ним – враз нашьют порчу. А порча не парча, ее так просто не снимешь. Да и кому приятно, когда тебя читают, как книгу.

Чуть вытянутое прибалтийское лицо со светло-серыми прозрачными глазами казалось древним и прекрасным, длинные почти белые волосы были абсолютно прямыми, и медиум никогда не укладывала их в прическу, даже косу не заплетала. Стиль ее одежды оставался неизменно хиповатым – что злило меня как человека, ввиду множества причин не способного расслабиться.

Да. Я не любила Линду – но именно к ней была вынуждена отправить своего несчастного друга, абсолютно не подозревая, что скоро и сама изведу мощь ее обволакивающей силы.

Маргарита по-прежнему не имела понятия о моем участии в этом деле и просила у Шоршоны все новые и новые образцы моего стиля и его почерка. В конце концов я написала ее мужу, что застрелю его на восьмое марта, потому что мне... (имеется в виду отверженному) не доставляет удовольствия лицезреть их счастье. В общем, полный бред, но звучит убедительно. А то... кому же это приятно?!

Меж тем Пава начал приходить уже не просто с синяками, а с настоящими кровоподтеками и длинными, багровыми следами от хлыста на спине. Наконец он сознался, что нарвался на настоящего садиста и теперь не знает, куда от него деваться. Я поселила принца у себя, и вскоре он уже знал о истории со школьной подружкой Владислава чуть ли не больше меня. Работа над пьесой совсем заглохла, в то время как писем я написала массу. Время от времени Шоршона подсовывал мне собственные воспоминания о школе, в которой они учились и где по легенде Рита познакомилась с преследователем. Я никогда не любила легко узнаваемые подробности и писала от себя, но, как это выяснилось позже, переписывая, Славка неизменно добавлял их. Глупо! Ах, как глупо!

Одновременно, чтобы окончательно не деградировать, я начала сочинять рассказ о женщине, обратившейся к любящему ее мужчине из-за того, что ее избивает любовник – совершенно мерзкий псих, от которого она, ко всему прочему, еще и не может никуда скрыться. В итоге верный рыцарь убивает надоевшего ей дружка, на самом деле оказавшегося ни при чем, и садится за решетку.

Пава убедил меня не показывать пока текст Шоршоне, потому что он никогда не пропустит его, а сделать из него совместное произведение о любви и коварстве.

Так мы и развлекались, поджидая нашего психа– рыцаря.

Вечером отправились на концерт цыганской песни, где в антракте недурно конкурировали с самими актерами по обращенному на нас вниманию зрителей.

В этот раз я позволила себе расслабиться; надо сказать, что мне ужасно понравился тонкий как стебелек молодой гитарист с длинными, легкими волосами, похожий на одного моего знакомого художника, застреленного накурившимися молокососами, когда он возвращался с выставки. Все первое отделение я смотрела только на него. Почти только, точнее сказать, потому что внимание мое плавало от трепетного юноши до седобородого красавца с манерами дикого барса и со свернутым в виде шарфа женским платком на шее, который пожирал меня глазами и пел, обволакивая и тут же стегая своим голосом. Отчего мое внимание летало как пинг-понговый мяч, и в антракте я совсем было уже потеряла голову от нахлынувших на меня противоречий, когда дикий красавец подошел ко мне со спины и дотронулся до моего плеча. Играла музыка, и я танцевала с ним, ощущая, как мне передается его трепет и тепло.

Мы занимались любовью где-то в гримерной, и повсюду валялись накиданные шали и пачки из завтрашнего спектакля. Стены были затянуты грубой холстиной, и мысли появлялись и исчезали... А со сцены звучали песни и топот. Уже уходя, я урывком увидела симпатичного гитариста и заметила, что его замшевые сапоги были мокры от снега, и это меня почему-то опечалило.

Пава отвез меня домой, в машине мы выпили бутылку шампанского и я хотела любить всех. Да, всех! Тем более, что по всем приметам у Зерцалова тоже что-то налаживалось. Последние дня три кто-то звонит и вешает трубку, едва я подойду. А Пава вздрагивает, краснеет и тут же напускает на себя безразличие. Поэтому в присутствии Зерцалова я стараюсь не обращать внимания на телефон, предоставив его в полное распоряжение влюбленного создания.

Выходя из «мерса», я заметила, как Павел наклонился над рулем и, ласково поглаживая бардачок, сиденье, на котором я только что сидела, зеркальце, спидометр, быстро и нервно, точно опасаясь, что я все вижу, попрощался с машиной, как с живым человеком, мало того, наверное, так можно прощаться только с дорогим и любимым существом. Чуть было не сказала – с женщиной...

Не желая смущать его, я заспешила вперед.

А дома нас поджидал уже сюрпризец – оказывается, наш шизанутый дружок (у него был ключ – вся наша троица давным-давно торжественно обменялась ключами от квартир), продолжая работать над пьесой (как она мне надоела), решил поглубже войти в роль – то есть, ощутить себя тем самым маньяком, пишущим письма с угрозами. Для чего Рита дала ему, или он сам выпросил, что уже установить вряд ли когда-нибудь удастся, пистолет.

Нас с Павой чуть не перекосило! Вот только перестрелки тут еще и не доставало! И какой надо быть идиоткой, чтобы такому психу дать в руки оружие?!

Мы насилу уговорили Славу хотя бы не изображать супермена при нас. Я пошла принять ванну. Вскоре туда заявился Пава и предложил установить у Шоршоны в доме видеокамеру и посмотреть, как он будет встречаться со своей дамой. Я согласилась – не столько ради привнесения подробностей в наш с ним рассказ, сколько из-за смутного предчувствия чего-то нехорошего.

Раньше я никак не могла понять, отчего, объединяя тройки, наш учитель свел в одной из них такие разные типы. Теперь я догадываюсь, тем более что образ разворачивающейся пружины, относящийся изначально к Владиславу, теперь уже можно с успехом переадресовать на меня. Конечно, если бы моя жизнь сложилась по-другому, внешность, образ мыслей и манеры более соответствовали специфике избранного жанра, а не замыкали меня, как джинна в сосуде, под табличкой с надписью «Прекрасная незнакомка»... Может быть, тогда внутреннее и внешнее могло бы развиваться в более гармоничную личность. Если бы я хотя бы могла отвечать оскорблением на оскорбление или чуть что бить в наглую усмешку, но нет... Я терпела, все эти годы терпела. Хотя, что я говорю – да, случалось, что меня доставали или

даже обижали, но никогда удар не приходился так точно в цель. Никогда острие людского коварства или подлости не ранило меня так глубоко, я бы даже сказала, смертельно.

И теперь, отбросив всю внешнюю мишуру, я оставила напроверкулишь самое главное, что было когда-либо во мне, – честь человека. Обиду и ярость...

4 НЕ ИСЧЕЗАЙ!.

Мы с Павой не видели Славу несколько дней. За это время я продолжала встречаться с обоими понравившимися мне в тот цыганский вечерок актерами и совсем уже забыла о письмах и пьесе, когда появился Шоршона и, не раздеваясь, хлопнулся прямо на пороге, закрыв лицо руками так, словно боялся закричать. Его мокрое старомодное пальто оставило на стене, по которой он съехал на пол, темный след. Из комнаты вышел Зерцалов в японском халате (мы активно исполняли роли супружеской пары). Но одного взгляда на этого словно свернувшегося в точку у двери человека было достаточно, чтобы мы, позабыв обо всем, чуть ли не силой втащили его в комнату и, усадив в кресло, еще какое-то время бросали друг на дружку тревожные взгляды, не зная, что предпринять.

— Я погиб, — наконец произнес он, непрерывно дую на ладони, точно они у него дико замерзли. На его лице не было очков, но Слава, не замечая этого, смотрел перед собой, явно не отдавая до конца себе отчет в том, где он и что делает. — ...Это ужасно! Она не могла так поступить со мною, но все говорит о том, что это именно Рита, больше никому! — Он посмотрел на меня и улыбнулся своей, как мне показалось тогда, детской улыбкой. — Она метила в автора «Прокаженных» и «Града смердящего», а попала в меня. Представляешь, какая незадача... Марго искала стоящего противника и нашла... но я слишком слаб и не выдержу. Мне это не по силам, я погиб! Совсем погиб. А теперь надо идти, а то я и вас утяну за собой в омут. — Талый снег, согревшись, стекал с его пальто, и вокруг сапог собралась противная лужица.

Надо ли говорить, что в тот вечер мы никуда его непустили. Пава заварил великолепный чай (он вообще прекрасно вел хозяйство, чувствуя в этом свое призвание), я сняла с Владислава пальто и сапоги с треснутой подошвой, куда набился снег. Казалось, он не видит и не воспринимает ничего вокруг, полыхая изнутри сжигающим его пламенем. Суется на кухне, мой принц то дело заглядывал к нам, опасаясь пропустить самое интересное. Наконец все было готово, и Владислав заговорил. От первых же слов меня обдало холодом и страхом — тогда я еще умела бояться.

Шоршона порывлся во внутреннем кармане пиджака и вытащил красноватую коробочку, вроде той, в которой раньше держали фотопленку, и, открутив крышку, высыпал на ладонь пару голубоватых пилюль, после чего тщательно закрутил крышку и вернул коробочку обратно.

Года два назад мы втроем отмечали его день рождения, а Слава родился под Девой, на чем всегда делал акцент, намекая на, по его словам, сильно выраженные в гороскопе Нептун и Прозерпину, что давало ему право заниматься алхимией. Я уже упоминала, что дома у него были все условия для подобной деятельности. В тот день он чуть было не довел нас с Павой до слез, гордо демонстрируя подарок, который он впервые за много лет позволил себе сделать. Это были красные завинчивающиеся коробочки, в которых он предполагал держать разные яды, но пока там хранилось снотворное и немного успокоительного.

Боже мой! Подарок за много лет!.. Куда он, к чертовой матери, деньги девадет? Неужели только на книги? Я давно знала, что Слава не возвращает мне всех денег, выплачиваемых ему «Гомункулом». Да и отец исправно подбрасывал ему переводную халтуру. По всей видимости, их отношения вообще были настолько хорошими, что можно позавидовать. Во всяком случае, не бывало, чтобы он не добился для меня отсрочки или аванса. Складывалось впечатление, что издательство вообще принадлежит Шоршоне-младшему, так вольготно и легко сыпались на него дары и привилегии, о которых другой человек мог только мечтать.

– Помните пьесу?..

Мы кивнули, не желая прерывать.

– ...Пистолет... Смешно... – он отыскал в кармане пиджака очки. – Она же говорила, что он ей для самообороны... Коллекционера-то ее пристрелили к чертям. А все думали, что уехал, он и собирался уехать... недалеко... Выходит, ночью убили, а днем Маргарита принесла мне это... а я, как последний дурак...

– Постой. А что, тебе известно, из какого пистолета он был убит? Кто тебе сказал?

– Не надо говорить. Вот увидите, когда еще письма найдут!.. Ведь там всё... и школа, и... – он отвернулся.

– К тебе уже приходили? Вызывали? Кто-нибудь о тебе знает?

Мы с Павой переглянулись, думая о нашем рассказе о любви и коварстве.

– Потом, у тебя же есть свидетели – мы с Зерцаловым! Да, письма с угрозами написаны твоей рукой. Допустим. Но я же знаю, что это я их писала! По заказу! Вот сколько черновики! Подтверди! – Я перешла на крик. Пава закивал головой. – Вот пьеса! Рассказ! – Я вырывала из стола ящики и высыпала их содержимое перед ошарашенными мужчинами. – Потом... Когда, говоришь, его кокнули?! Может у тебя и алиби есть! А нет – так что же, мы, трое пишущих людей, ничего не придумаем! Эта стерва у меня еще попляшет! Да я ее живо на свет божий вытяну! Припомнить только половину ее любовников... да еще кому эта смерть была выгодна – надо разобраться?! – Я кричала и чувствовала, что сама уже не могу остановиться, меня словно несло, подкидывая и захлестывая с головой. – Надо же что-то делать! Я позвоню... у меня есть в издательстве... бывший майор! Ну к чему такая паника! Конец света! Ты же ничего не делал! Я... – Павел схватил меня за руки, и я повалилась на стол, слыша под собой хруст фарфора и удивляясь какой, оказывается, он сильный.

К вечеру все мы пришли в более-менее нормальное состояние. Я в очередной раз поставила чайник, вынула из настенного шкафчика банку сливового варенья и уже ринулась в гостиную за вазочкой, как вдруг голоса моих друзей, а вернее то, что я услышала, заставили меня притормозить у порога, не входя в комнату и оставаясь таким образом вне зоны их внимания.

– Ты бы не мучался, а к Линде пошел, все лучше, чем так пропадать, – наставительно гудел Слава. – Скажи, пожалуйста, откуда окружающие могут понять, что ты представляешь из себя на самом деле, если ты ничего для этого не делаешь?

«Ага. Значит, у медиума он все-таки был».

– Почему же ничего? Я стараюсь... намекаю... потом, в последнем рассказе я почти что открылся, – Пава говорил неуверенным шепотом, поминутно ерзая на стуле, отчего по комнате разносились нервное поскрипывание и шелест одежды.

– Дурак. С твоей-то внешностью не можешь смандить себе...

– Не надо! Это слово сюда не подходит. А Линда приворотом не занимается, она только ясновидящая.

– Вот пусть и посмотрит – есть у вас совместное будущее или нет.

«Смандить», – ничего себе Славочка, ничего себе скромняга! Жалко, что я не видела его лица.

– Ты думаешь сходить? А если она скажет, что мы не пара и все такое? А если будет издеваться? Если спросит, зачем тебе, такому...

– Ну и сиди, рохля!

Я невольно попятилась, столь не вязался в моем представлении этот резкий тон с Шорониной недоделанностью. Да и Павочка... Я все-таки надеялась, что у него с этим называющимся взаимная симпатия.

– А ты-то спрашивал про свою актрису? Как же ты тогда влип в такую историю?!

– Может и спрашивал, не твое дело! Может и нет! Играть нужно до последнего. А судьбу узнавать – чтобы иметь представление о том, есть у тебя козыри или нет.

– А если нет?

– Играть без козырей или создать их из воздуха.

Последняя фраза была лихо выдрана Славой из его же фантастического рассказа и в тот момент не заинтересовала меня.

– ...А ты продолжай ровно сидеть на заднице – много высидишь! – вновь принялся за поучения Слава. – Последний раз предлагаю – бери порошок – и вперед.

– Подсыпать?! Нет... Какая гадость! – брезгливо загнусавил Павел. – За кого ты меня принимаешь – чтобы я...

– Бери, идиот, – ни запаха, ни вкуса... Бери, и фак тебе в руки...

– Нет!

– Ну и черт с тобой! Только учти – она агнцев невинных не любит, ей дьявол нужен!

«Она» – вот это новость! Он у меня что – активный?»

В этот момент засвистел чайник, и я была вынуждена обратиться на кухню.

Мы решили, что Слава тоже поживет пока у меня. Собиралась назавтра навестить знакомого майора. Разбирая разлетевшиеся в момент моей истерики рукописи, я обнаружила, что второй экземпляр написанного с Зерцаловым рассказа исчез (первый он уже снес в какой-то журнал от моего имени), но раздумывать над этим не было ни сил, ни времени. Слишком уж много всего сразу. К тому же я боялась, как бы Шоршона не натворил глупостей, и всю ночь прокараулила его, уснув лишь под утро. Тут-то он и исчез.

Мы не знали, что и предпринять – общих знакомых у нас мало – на людях мы никогда не были вместе, да и бывал ли он вообще где-нибудь? Есть ли у него друзья или женщины? Ну хотя бы самые что ни на есть случайные? Сделалось как-то не по себе от мысли, что мы совсем ничего о нем не знаем. Даже о Маргарите Белкиной нам стало известно лишь потому, что он сам нам о ней рассказал, причем только то, что считал нужным поведать. В сущности, при такой постановке дел я бы не дивилась, окажись, что он и был тем самым преследователем, доведившим до помешательства женщину, которую любил всю жизнь и которую ненавидел за ее холодность с ним и счастье с другими. Его отца на работе не было. Хотя мы не были знакомы и вряд ли он стал бы распространяться о своем великовозрастном сыне. Издательство «Гомункул», в котором выходили мои детективы, процветало, я исправно отдавала Славе рукописи и дискеты, получая взамен деньги и три-четыре книги – вот и всё. Учитель – этот жрец мистификации – взял с меня слово никогда не навещать туда лично и не искать контактов. Поскрипывая креслом, он производил серые облака и вещал голосом оракула. Его волосы, помню, были совершенно седыми и представляли собой нечто вроде белого ореола над головой. Во всем же остальном это был натуральный сатана.

Я знала, что, кроме фабрикования троек вроде нашей, он серьезно занимался политической, образовывая вокруг себя новые и новые отряды бойцов известных только ему одному фронтов. Особое внимание в подготовке кадров уделялось выработке дипломатических качеств, искусству взлома и иностранным языкам. Позже ученики рассылались в разные части света, формируя там похожие ячейки, и так до бесконечности. Об этом я узнала частично от Тamarки, преподававшей там искусство какого-то боя, частично от Ленки, с мужем которой у меня сто лет назад случилась история, но об этом позже, и который, работая на великого мистификатора, в конце концов уехал со всей семьей в Америку.

Ну да что мне сейчас от всего этого. У меня был Слава – проблема номер один.

Я пожалела вслух, что не могу видеть через стены.

Первым нашелся Пава.

– Если бы Владислав был героем любовного романа, – протянул он, поигрывая моими бусами, – я бы сначала написал для него обличительный монолог и послал объясниться с

дамой сердца... а потом... – его слова были вязкими, как плохо проваренная сгущенка, – ...я бы заставил его нервно смеяться в лицо этой твари и между делом намекнуть о своих свидетелях и доказательствах против нее... А потом, если, конечно, ему удастся выскочить от насмерть перепуганной примадонны, мимо охраны и всякого такого... я бы послал его домой... ну, за зубочисткой, машинкой и...

– Его не задержат. Если все, как он расписал, то она уверена, что о нем позаботятся где следует. Ты думаешь, надо ехать к нему домой? – Я взяла со стула смятую белую шаль и, завернувшись в нее, села напротив зеркала. – Мне страшно.

– Ехать?

– Да. Вдруг там ждут?

– А кто сказал, что обязательно надо ехать? – Принц хитро подмигнул, и голос его приобрел интонации чеширского кота. – Для тебя, королева, я и луну с неба достану и сквозь стены видеть научу.

– Видеокамера?! – вспомнила я. – Только ты ее когда поставил, там же уже и пленка-то закончилась.

– Спокойно. Дело мастера боится. Камера снимает, когда ее включают, чтоб ты знала. А не когда ей это самой на ум взбредет. А увидим мы все прямо здесь, на твоём телевизоре. Что я, зря шесть лет учился?!

Мы тотчас запустили всю эту систему, но, как и следовало ожидать, в квартире никого не было. На экране слабо просматривались часть потолка и зеркало, в котором отражался уличный фонарь.

– Будем врубать каждый час, – деловито пояснил Зерцалов. – А пока нам и о себе следует подумать. Позвони товарищу офицеру и... поспи немного, а то...

Я не стала дослушивать и пошла искать записную книжку.

Теперь, когда я пишу эти строки, никак не могу понять, почему не помчалась прямо тогда сквозь снег, почему... откуда снизошло вдруг трусливое оцепенение, сковавшее разом все тело.

На экране вспыхнули три огня люстры (камера неудачно находилась где-то на верхней полке среди книг), я услышала шорох бумаги, и вдруг загремел марш Берлиоза. На экране появился Слава, вернее, его макушка с лысиной, напоминающей что-то монашеское, но я не поняла что именно. В руках Владислав держал пачку бумаги, которой махал перед невидимым для нас противником, потом я увидела, как часть листков полетели на пол, а Шоршона вдруг как-то сразу успокоился, словно принял решение. Он поправил очки и шагнул ближе к камере под люстру, мне показалось, что он улыбнулся; I расстегнул верхнюю пуговицу рубашки.

Я вскрикнула от ужаса, и тут же его лицо потерялось в трех огнях. Мы слышали звук падающего тела, и светлый паркетный пол в зеркале заняла сорвавшаяся со стен книжная лавина.

Мой друг был мертв.

5 ПЕРЕД БОЕМ

Я уже говорила, что я – мирное существо и в жизни не желала никому зла, но тут весь с таким трудом созданный свод обвалился в одночасье мне на голову, погребая под собой бедного Славочку, унося прочь надежды и мечты, ломая и разрушая всю жизнь.

Итак, теперь я осталась у разбитого корыта – писать я не могу; вернее, не так, конечно, продолжить можно, но сразу же, как только тело знаменитого писателя, под чьим именем я десять лет печатала свои романы, будет обнаружено, я автоматически выключаюсь из этой книжной гонки. То есть, я буду существовать как имя, как вывеска для Зерцалова, и годы напролет Паша будет издавать под ним свои слезливые произведения, в то время как я не смогу выдать больше ничего, а лишь переполняться kloкочущим во мне ядом, пока он не вырвется наружу, истребляя все живое на своем пути.

Можно, конечно, поискать другую ширму, другое лицо, но мой стиль слишком узнаваем, что, в лучшем случае, будет расценено за искусную подделку под романы Шоршоны, и при этом нечего и думать скоро завоевать прежнее положение.

Менять придется все, начиная свое обучение заново. Ведь все мои книги написаны простым и ясным языком, почти без прилагательных. Да что там!..

А если новый человек окажется не тем, за кого я его приняла, и начнет качать права?! Что тогда?! У меня же нет интуиции нашего общего учителя. Боже! Ну неужели мы так уж многого и просили в этой жизни?! Мы всего лишь делали то, что умеем и любим, хотели будить фантазию, чувства и мысли других. И вот, Славка умирает, с улыбкой обнажая перед своим убийцей горло, точно агнец на заклании. Потом выяснилось, что Пава был абсолютно прав, предполагая, что Шоршона прикарманил экземпляр нашего совместного рассказа, решившись воспользоваться им как уже сформулированным доказательством своей правоты и нашей доверчивости, новым сюжетным ходом...

Я мерила шагами комнату, разрабатывая план мести – может быть, последний в своей жизни сюжет, в котором мне предстояло выступить не просто как автору, но и в качестве актрисы. Хотя надо отдать должное моему имиджу и уяснить наконец, что голубоглазые, томные блондинки не превращаются в одночасье в супергероев, но куда мне торопиться? Сидячая работа ничуть не испортила мою фигуру и только усилила характер, добавив к естественной страстности волю и усидчивость.

Я ничего не видела перед собой. Безудержный амок гнал, гнал и гнал меня, только разжигая сильней пылающий мозг. Очнулась от того, что кто-то обхватил руками мои колени, ткнувшись мокрым лицом в ладони, и страстно зашептал:

– Не надо! Не рискуй собой, я этого не вынесу! Я же не смогу не писать! Живи! Хотя бы ради меня живи! Я все тебе отдам! Только не предавай меня! Не отрекайся! Ну что мне для тебя сделать?! Я днем и ночью буду работать, все что хочешь! Но если ты погибнешь, я не смогу... – Он захлебывался слезами, – не смогу публиковаться под другим именем! Мой стиль слишком своеобразен! Понимаешь ты это или нет?!

О... я понимала это! Как никто другой в целом мире понимала, что такое лишиться вдруг самого дорогого – возможности творить, потеряв ощущение присутствия бога в своей душе. И разумеется, что я не могла нанести такого удара даже врагу. Не говоря уже о единственном друге – о последнем в этой жизни друге...

Через месяц я вышла замуж за Паву, переписав на него квартиру, машину и оставив письмо и завещание на случай моей смерти, в которых называла мужа своим соавтором и

упоминала о целой библиотеке якобы начатых вместе с ним книг, которые ему и предстояло в самом крайнем случае заканчивать без меня. Второе письмо предназначалось также для издательства, но на случай моего спешного отъезда. Я поручала Зерцалову сдавать новые рукописи, подписывая их его и моей фамилиями, и разрешала ему производить в мое отсутствие все финансовые операции, в том числе и заключение договоров на издание и переиздание ранее написанного.

Так я давала возможность ему продолжать любимое дело, вне зависимости от того, как сложится в дальнейшем моя судьба. С тем, чтобы когда-нибудь он смог бы подписываться уже только своим именем, не завися ни от кого.

На себя же я наложила обязательства максимально усилить тренировки с Никитой, а также упражняться в тире.

Неожиданно быстро нашлась и бывшая любовница Белкиной. Воистину «чем дальше в лес – тем больше лесби!» Мир становился вокруг меня не просто тесен, а неприятно жесток и груб. Мы сошлись, и вскоре я знала о прошлом Маргариты едва ли не больше, чем она сама. Час мести близился, но я еще не была уверена в прочности положения моего мужа, соавтора и душеприказчика.

Я мучалась от мысли, что он – мой Павочка – останется совсем один. Ненавижу гомофобию. Каждый вечер, когда милый принц, не предупредив, задерживается где-то, я с ума схожу от страха. Черт знает, что взбредет в голову какому-нибудь низколобому идиоту, возмнившему себя судьей чужой нравственности и образа жизни. Мальчики, с которыми я знакомилась в «Маяке», «Шесть и девять» или «Тишине», как правило были на целую голову ниже Павы, и не в пример ему тонки и хрупки. Зерцалова никак нельзя назвать неженкой или размазней – он просто прекрасен и тонок, как мечта богини любви, а те мальчики – нежные цветы... (Я не имею ввиду, конечно, когда они хабалют и напиваются. У всех свои недостатки.) Но как подумаю, что кто-то может ударить такое дитя?! Садизм! Попадись такой подонок мне или Тамарке-кунфуистке, да чтобы на ней были увесистые гири на косах, а при мне дружественная бензопила...

Ведь мы, женщины, – существа по природе своей слабые, а значит взять да и припечатать в харю, чтоб разом вырубить, не можем. А бить – только дразнить. Причем, среди уличных мерзавцев по большей части встречаются мазохисты. Вот и получается, что если и придется бить – то скорее всего уьем, да еще и с особой жестокостью.

Нас с двоюродным братом родители с детства вышколили выбирать противника сильнее себя: «В случае поражения не так обидно, а победите – вдвойне почетно! Бить ребенка или женщину – последнее дело».

А у Павы душа нежная, женская...

Душа... Его душа, наверное, разрывается сейчас даже сильнее, чем моя, ведь я рискую только жизнью, а он теряет последнего друга.

Хотя, судя по подслушанному мною его разговору со Славой, кажется, он серьезно влюблен в кого-то.

Я продолжала работать над трилогией. Последняя повесть моего несчастного друга пощекочет еще кому-то нервишки. Какое-то время я склонна была подозревать, что письма с угрозами действительно существовали, раз уж лесбиянка не была плодом воображения. Но какая теперь разница – раз я доподлинно знаю, откуда исходила инициатива написания пьесы и писем, кто всучил Шоршоне злополучный пистолет сразу же после убийства коллекционера. Потом Рита могла просто воспользоваться именем своей давней знакомой, подозревая, что Слава, как талантливый писатель, возымеет желание найти ее, что на самом деле оказалось впоследствии не особенно сложным, а отыскав автора писем, не усомнится и в подлинности произведения.

Я продолжала наводить справки о Белкиной и несколько раз побывала в театре, время от времени проникая за кулисы. Но самой идти по следу актрисы для меня представлялось делом почти что невозможным, так как моя внешность широко известна и легко запоминается. Поэтому я оставила всякие надежды превратиться в невидимку и воспользовалась старым проверенным способом: если хочешь хорошо спрятать вещь – положи ее на самое видное место. Так, я договорилась с режиссером театра «Фата Моргана» Александром Баруздиным, у которого работала Маргарита, о проведении у них презентации моей новой книги. Александр Альбертович – мой давнишний поклонник, я частенько заходила к нему за кулисы выпить чашечку кофе и поболтать о пустяках.

В это-то время я и послала Белкиной свое первое письмо. Надо сказать, что поначалу я терялась в догадках, от чьего имени должны исходить настоящие угрозы. Узнавая все больше и больше о прошлом актрисульки, я поняла, что претендентов на подобную роль было как минимум восемь. Нашей даме явно нравилось дразнить свою судьбу, связываясь всякий раз с неуравновешенными мерзавцами. Но, поразмыслив хорошенько, я решила, что не в силах собрать достаточно сведений о них, в то время как здесь нужны тонкие и безошибочно узнаваемые жертвой подробности. Конечно, можно было почерпнуть их из предоставленных моему другу фальшивок, но я боялась перегнуть палку и написала наконец от лица человека, которому Владислав поручил тайно охранять Маргариту от возможного нападения. Я даже подумала, что странно, что такого типа в действительности не было. Итак, теперь я прикрывалась личиной опытного, искусно маскирующегося детектива, все это время незаметно следующего по пятам и обладающего всей или почти всей доступной самой Белкиной информацией.

Приглашенная тем же вечером в «Фата Моргану», я посмотрела спектакль «Сцены французской жизни» (сколько шансов совершить убийство в театре!). Белкина играла одну из главных ролей, держа зал нервной, страстной игрой, демонстрируя трагический темперамент, временами доходящий до истерики. Значит, проклятая бестия заказала пьесу и письма, в надежде под– накрутить свои нервишки, а заодно и обвинить замкнутого, нелюдимого, но готового на все для нее человека в том, что он ради создания своего произведения и устроил всю эту катавасию, затравливая и до смерти пугая несчастное существо.

«Ну, что ж, – решила я, – ты хотела, чтобы твоими делами занялся известный писатель, – ты его получила. Как в сказке. Только теперь вступает в силу реальность, которая, уж будь уверена, опалит твои стрекозы крылышки, даже если после этого мне предстоит сгореть и самой».

Приблизительно через неделю после получения Маргаритой моего первого послания состоялась презентация «Любовников Фортуны». Войдя в уже переполненный зал, где народ со скучающими гримасами взирал на выступление полуголых танцовщиц и шарил глазами по проходам, откуда в конце концов должны были выкатиться фуршетные столики и подносы с коньяком, я увидела ее. Выглядела она, надо признаться, великолепно, я бы даже сказала, что над своей внешностью она трудилась часа три, как человек, не желающий демонстрировать свое подлинное состояние.

«Ну, штукатурка с тебя еще послетает, дай срок». Я заготовила уже новое послание, припрятав его среди фантов для гостей.

Неожиданно я почувствовала на себе чей-то пристальный взгляд и в следующее мгновение увидела Линду. Ее белый льняной балахон с обилием хипарских цак– цек выглядел настолько в точку, что нарядные вечерние платья окружающих ее дам поблекли и выглядели какими-то кукольными.

С минуту мы пристально смотрели друг на друга.

«Она знает!» Я сжалась, воспринимая всем телом невыносимое давление, в висках заклокотало, комок подскочил к горлу, словно притаившейся в моей собственной утробе предатель пропихнул через трахею и гортань кулак. Я смотрела в ее глаза!..

И тут все прошло. На какое-то мгновение я потеряла Линду из виду и тут же заметила, что стоящая в шаге от меня Маргарита ловит ртом воздух. Руки ее испуганно вздрагивали, а глаза усталились в одну точку. Я проследила за остекленевшим взглядом, вновь обжегшись о серые глаза медиума.

«Ага. Сестры», – пронеслось у меня в голове. Странное обозначение по отношению к врагу.

Я проклинала дурацкую систему пригласительных, при которой невозможно добиться какого-либо фейс-контроля. Но да что было делать? Линда знает – и черт с ней. А я буду делать свое дело – и баста.

Как хозяйка я постоянно находилась в центре внимания, перепархивая от одного гостя к другому, иными словами мелькала, мелькала, мелькала...

В половине восьмого, то есть через час после официального начала, когда все уже крепко выпили и те, кому было положено вещать, отговорили все, что собирались, ведущий объявил фанты. И естественно я, как героиня дня, взялась обносить ими гостей. Подойдя к Марго, я слегка присела, протягивая шляпу со жребиями, но тут к нам подошла мерзкая журналистка, внешне напоминающая вездесущую крыску. И слава богу, не то я чуть было не наделала глупостей! Ну надо же, придумала – самой вручать конверт – пусть даже в виде фанта.

Теперь у меня оставалась еще одна попытка. После дурацких конкурсов в духе «Оживших картин» участники обменивались шуточными любовными письмами. Они опускали их в большую корзину с цветами, как у пастушек из пасторальных сцен. Туда-то я и положила свое очередное письмо. Естественно, что внутри находилось послание прекрасной блондинки, продиктованное гением Павой. Я предполагала, что, едва только Белкина обнаружит почерк своего преследователя, она немедленно постарается уединиться и прочесть его подальше от общества. Что никак не входило в мои планы – ведь театр, где проходил праздник – ее родной дом.

Куда она пойдет – в примерную или туалет? Я должна была опередить ее. Поэтому еще днем наняла парня, который взялся красить ужасно узкий коридорчик, по которому ей бы пришлось теперь пробираться с риском для собственного платья, реши она спрятаться в своей клетушке. Мне везло. Этот чертов ремонт хоть и вызвал понятные жалобы, но зато не был встречен удивлением, в это время как раз подновляли правое крыло здания. И ничего странного, что кто-то решил покрасить актерский отсек. Маляра я наняла там же. Таким образом этот путь оказался отрезанным. Оставалось надеяться, что у нее хватит ума не приниматься за чтение, примостившись на лестнице или прямо в людном зале. Пока все шло по плану. Я успела спрятаться в туалете за несколько секунд до того, как туда вошла Белкина.

Марго медлила, видимо все-таки опасаясь зайти в кабинку, оказавшись таким образом зажатой в четырех стенах. «Что ж, очень предусмотрительно», – похвалила ее я. Спрятавшись за огромной выставленной сюда вплоть до окончания ремонта фанерой, я имела возможность видеть все, не опасаясь, что буду замечена сама. Во всяком случае, не женщиной в вечернем платье. Искусно нанесенные мною же налпки в виде растекшейся краски отгоняли разодетых в пух и прах гостей не слабее, чем серебро и чеснок нечистую силу. Я была так уверена в своей находке, что даже не удосужилась разлить хотя бы несколько капель бензина, дополняя таким образом произведенный эффект.

Актриса робко заглянула во все четыре кабинки и, убедившись, что осталась совсем одна, развернула сложенный вчетверо листок. Я заметила, какое напряжение сковывало ее плечи; рука, сначала спокойно опущенная вдоль тела, вдруг, подчиняясь какому-то судорож-

ному порыву, рванулась вверх, как будто внизу ее мог кто-то укусить, схватив зубами за длинный ноготь.

Да, она боялась! Боялась безумно – потому что ее сценарий как-то сам собой начал воплощаться в жизнь. Разумеется, я не знала, о чем именно подумала Марго. Мне даже на какое-то мгновение вдруг стало жалко ее, но тут же перед глазами возникло лицо Славы и то, как он расстегнул верхнюю пуговицу рубашки, точно подготавливая для своего убийцы место, куда должен был прийти удар. При мысли о том, что он даже не пытался защитить себя, я начала звереть. Вскоре Белкина свернула листок, положила его в изящную сумочку с жемчужной застежкой, висевшую у нее на боку, и вышла.

В добавление к дикой злобе, так или иначе питавшей меня все это время, подключилось другое, противенькое чувство – будто я затравливаю кого-то во много раз слабее и меньше меня.

На лестнице с другой стороны зала я чуть было лицом к лицу не столкнулась с Маргаритой, почему-то выбравшей обходной маршрут.

Первым, что неприятно поразило или скорее удивило меня вслед за этим, был Зерцалов, что-то нервно пытающийся втолковать отрешенно скользящей по нему руками Линде. Ощувив на себе мой пристальный взгляд, он отскочил от своей собеседницы и, подлетев ко мне, предложил руку. Словно не заметив его отсутствия, медиум продолжала свой безумно-гипнотический танец, отрешенно поглаживая воздух.

«Черт знает что, а не муж, – ругалась я про себя, стараясь не обращать внимания на блаженную, – мало мне его мужиков, так от баб уже прохода нету! И где – на собственном празднике, при всем честном народе!»

– Представляешь, она сказала, что от смерти меня спасет вот это, – заметил он вдруг ни к селу ни к городу, показывая на черную ручку с алой розой и моими инициалами, полученную за сборник «Сладкое томление», с которой он никогда не расставался. – Правда странно?... – произнес он это почти что скороговоркой, точно оправдываясь в чем-то и отводя глаза.

Я пожала плечами и вернулась к своему беззаботному порханию, перемещаясь от одного гостя к другому и старательно обходя нервно притаившуюся в толпе приглашенных Линду.

Я считала, что моя миссия на этот день вполне завершена, но актриса точно специально начала попадаться мне на глаза. Ее упорство уже выходило из всех рамок приличия, казалось, что она попросту дразнит меня, разглядывая толпу гостей сквозь свою пузатую рюмку или подходя за новой порцией к фуршетному столику. В отличие от нее я, можно сказать, не пила. Во-первых, это слишком большое искушение для человека следящего за своей внешностью и, во-вторых, при нынешних обстоятельствах я просто не могла позволить себе расслабиться.

В конце концов мы отправились в ближайший ресторанчик, уже небольшой группкой (только близкие); естественно, что моя жертва оказалась в числе приглашенных, хотя и была уже в солидном подпитии, я же обычно разгуливала по залу с одним-единственным бокалом шампанского (еще одна дарованная мне случаем привилегия – не дотрагиваться до общего пойла), время от времени касаясь им губ с несмываемой помадой.

Весь вечер Рита бросала на меня полупьяные взоры и наконец, воспользовавшись тем, что Зерцалов пошел за сигаретами, шлепнулась на его место и, обняв меня за плечи одной рукой, прошептала чуть ли не плача:

– Я погибла, милая, милая моя богиня любви Венера. Меня убьют, вот увидишь.

От такого пассажа я не сразу нашлась что сказать и знаком попросила подошедшего Паву налить немного каберне. Наши бокалы покраснели, и Марго продолжила:

– Помоги мне, Диана, мы ведь давно знаем друг друга, пусть даже заочно, какая собственно разница.

Она смотрела на меня глазами, ставшими вдруг еще зеленее от выпитого вина. Я по-прежнему молчала, что нисколько не смущало мою собеседницу.

– ...Вот ты писательница, тебе про чувства и вообще про людей известно все...

– Ну так уж и все, – я терпеливо сняла ее руку со своего плеча.

– Да все... все... – ответила она тоном, не терпящим возражений. – Все знают. Помоги мне в конкретной ситуации. Вот я... – она снова кивнула Паве и, не дождавшись, налила себе сама. – Вот я... можно сказать, женщина тихая...

– Тихая? – Я посмотрела на нее сверху вниз.

– Ну, ладно, не тихая, и любовники были, и замужем я не в первый раз, а теперь еще и вдова... Помоги мне, ты ведь и вправду все знаешь. Ну с чего кому-то мне зла желать? За что мучать?!

– Может и есть за что, – Я отставила подальше пепельницу, опасаясь, как бы разгулявшаяся примадонна не опрокинула ее на меня.

– Письма... письма пишут, по телефону тоже... а кто? За что? Был человек один, который меня во что-то ставил. Были нету! Ой, плохо мне! Плохо. Владик Шоршон – чик, он один на меня как на человека смотрел, не то что все остальные. Они меня в грош не ставят! Для них я баба. Красивая, и ладно. А что у меня в душе... про то никому дела нет!..

Я слушала Маргариту, не зная, чему и верить-то, неужели лахудра каким-то образом узнала о моей причастности к этой истории и теперь бросала наглый вызов?

Женщины обычно меня не любят, во всяком случае уж душу-то передо мной в жизни никто не открывал. Почему же я должна верить этой? Которую мне больше всего хотелось задушить капроновым чулком?

– Я не вру, – всхлипывала Белкина, пытаясь утереться о мое платье, – поедem со мной... я все тебе покажу.

Остаться с нею наедине – вот настоящий соблазн. Но я не спешила соглашаться, наблюдая за тем, как волосы моего мужа заливают то красный, то синий свет мигающих над баром лампочек.

Наконец я поддаюсь искушению и отправилась вместе с Марго к ней домой.

Что же, интересно, задумала эта дрянь? Убить меня? Но останутся свидетели, которые с готовностью подтвердят, что она уговаривала меня весь вечер ехать с нею. Тогда, может... Белкина располагает необходимыми документами, подтверждающими, что я была на самом деле коротко знакома с Шоршоной и пришла мстить... Ну сама – то она со мной вряд ли управится... Значит, в доме или в парадняке нас ждет, дожидаться не может убийца. Или, что более вероятно, мадам взялась по новой изображать жертву – в таком случае, я приглашена в качестве свидетеля. Значит, кто-то сидит сейчас в ее конуре, и когда мы переступим порог полутемной передней, на фоне незашторенного окна промелькнет чей-то зловещий силуэт, или даже я стану свидетелем покушения.

Мы взяли такси – я вовсе не собиралась пускать шпионку в свой «мерс». Ко всему прочему, мне был нужен еще один свидетель, видевший, по крайней мере, что до подъезда мы добрались без приключений.

Минут через десять машина остановилась, я не без удовольствия для себя отметила, что мы подъехали чуть ли не к самым дверям. Я рассчиталась с водителем, который никак не хотел брать деньги, уверяя, что в жизни не возил более красивой женщины, и кланчил телефончик.

Теперь я была более чем уверена в том, что он не только запомнит меня на всю жизнь, а еще и недели три будет рассказывать байки в пивной.

Удачно, что стоящая рядом Марго принуждена была слышать каждое мое слово. Да, жизнь я ей усложнила, то ли еще будет.

Я осмотрелась, собирая в памяти наиболее интересные детали, которые в дальнейшем можно будет использовать в последней и самой страшной повестушке Владислава Шоршоны «Ярость».

На улице было довольно-таки темно, хотя кое-где светились окна. Ага. Мы на Моховой – узнала я черную, возвышающуюся как скала церковь, мимо которой мы проехали. Сразу же вспомнилось что-то о Пушкине... Тревожные предчувствия сжимали горло. Урча и ластясь к ногам, неведомо откуда вынырнул черный пушистый кот. Я проводила взглядом машину, больше всего на свете не желая входить в проклятый дом, и тут же как ни в чем не бывало потянулась и, громко стуча каблуками, устремилась за Маргаритой.

Шикарные, не в меру тяжелые двери подъезда были украшены когда-то, наверное, очень красивыми черными гирляндами цветов. Света в парадном оказалось немного, но откуда-то сверху, наверное, этажа с третьего, он лился в изобилии. Я напряглась, ожидая, что вот-вот к горлу прикоснется холодное и острое лезвие и мужской голос скажет...

Нет, ничего он не скажет. Потому что насколько хватает взгляда – спрятаться некуда. Справа белел крошечный, давно неиспользованный по назначению каминчик. По широкой, барской лестнице, где ступеньки располагались искусными веерочками, мы поднялись на второй этаж. Что ж, коллекционер знал толк в выборе квартиры – не ниже второго, не выше третьего. Тютелька в тюtelьку. Маргарита завозилась с ключами, и я подумала, что много раз по этой самой лестнице поднимался мой друг, возможно, что иногда, приходя слишком рано, он дожидался вот тут, облокотясь обеими руками на массивные перила или изучая облупившийся рисунок на стене. И почему, интересно, строители не расписывают сейчас лестницы и парадные цветными гирляндами и маленькими ангелочками?..

Дверь открылась, и, глубоко вздохнув, мы устремились в темную переднюю. Я хотела пройти сразу за нею, почти что вплотную, прекрасно сознавая, что наш двухголовый силуэт на фоне открытой двери представляет собой весьма замысловатую мишень для притаившегося в квартире убийцы.

До моего лица дотронулось что-то мягкое, и я отшатнулась, запоздало сообразив, что это бархатные шторы, которые встречаются еще иногда в старых петербургских домах.

Щелкнул выключатель, и я обнаружила, что стою в роскошно обставленной темной мебелью начала прошлого века прихожей – просторной и очень приветливой. На полу перед самой дверью лежал коврик, но дальше, расходясь сразу в два рукава, растекался золотистый, блестящий паркет. На стене напротив меня, но чуть в стороне от двери, чтобы не испугать вошедшего, блистало огромное овальное и, судя по искусной кромке по краям, явно ручной работы зеркало. Под ним – изящная тумбочка или маленький столик с ящичками, не знаю, как правильно назвать. А дальше – застекленный шкаф с книгами, на стекле ни единого пятнышка, так, словно к нему и не прикасались-то никогда, впрочем, пыли тоже не наблюдалось. Я сняла шубку и повесила ее на полупустую вешалку, по числу рожков предназначенную как минимум для небольшого класса.

Дотронулась до молнии сапог и вопросительно посмотрела на хозяйку.

– Нет, нет, не надо, послезавтра придут убираться... – ответила она, правильно прочтя мои мысли.

Я обтерла ноги о коврик (так, для проформы, – в машине они вряд ли могли чем-нибудь измазаться) и последовала за Маргаритой. Коридор, по которому мы шли, имел на своей левой стене три совершенно одинаковые двери. Я отметила, что свет здесь включился одновременно с люстрой в прихожей, а значит тот, кто, быть может, притаился справа (в кухне), теперь мог в любой момент оставить нас в темноте.

– Это гостиная, – Марго открыла дверь, как мне показалось, всем телом; качнувшись на нее и не удержав равновесия, она нажала выключатель, и я увидела роскошную комнату с королевской хрустальной люстрой в центре над большим столом, вокруг которого пристроилось множество стульев, как детишки перед матерью. Опять зеркало, даже два, зеленые бархатные гардины, зажатые на уровне подоконника шнурами, пара шкафов и зеленый ковер на полу. Коричнево-зеленая гамма гостиной создавала впечатление респектабельности и одновременно чистоты и следования эталону.

Все это промелькнуло перед глазами за какие-то секунды, потому что Белкина потащила меня дальше.

– Спальня, – представила она следующую комнату и, толкнув дверь, удержалась на ногах, обхватив руками косяк. Над кроватью горел голубоватый ночник.

Я напряглась, ожидая нападения и одновременно косясь на коридор (что-то еще выскочит из него).

Но ничего не произошло. Я скользнула взглядом по убранству спальни и нашла ее безупречной.

– И, наконец, кабинет! – Хозяйка вошла первая, я последовала за ней, одновременно отмечая для себя существование еще одной двери с цепочками, двумя замками и настоящим засовом. Наверное, черный ход.

– Мы вошли в небольшой кабинет, доверху уставленный книжными полками, так, словно комнатку окружал своеобразный ковчег знаний; огромный, надежный стол – из тех, что от любой взорвавшейся бомбы легко защитят; слева от стола – зеркало в раме – достаточно большое для такого сравнительно компактного помещения. Оно стояло прямо на полу и было приблизительно два метра в высоту. Справа от двери стоял крошечный диванчик, куда хозяйка тут же усадила меня, прикрыв дверь.

– Я сварю кофе, а вы... может, лучше – ты?

Я кивнула.

– ...А ты посмотри пока на эти произведения, тебе как красивой женщине никогда не приходилось получать что-нибудь подобное? Ну, от мужчины... которому ты отказала во взаимности, или... – Она распахнула дверцу, прикрывающую ящики стола, и вытащила оттуда хорошо мне знакомые письма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.